

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЮ

С.В. НАУМОВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, Волгоградский государственный университет

В статье очерчиваются границы и возможности применения институционального анализа к российской экономике в период рыночной трансформации хозяйственных отношений. Автор говорит о непротиворечивости политико-экономического метода основным положениям институционализма, подчеркивая необходимость совмещения данных подходов при анализе экономической действительности.

ПОСЛЕДНИЕ два десятилетия в профессиональной экономической среде и в литературе по экономической теории наблюдается повышенный интерес к институциональным объяснениям новых и старых экономических явлений, объяснение которых в рамках других сформировавшихся научных школ как будто не дает ожидаемых практических результатов. Изменения в организации государственной власти, происшедшие на всем протяжении XX в., действительно породили множество спекуляций по поводу переопределения таких важных для любого экономического анализа категорий, как общественный интерес, общественная собственность, государственное управление экономикой, субъекты и объекты макроэкономических изменений и др. Появились бесчисленные научные и ненаучные работы о роли государства в экономике, о государственной экономической политике, об институциональном несовершенстве переходной экономики и т.д.

Общим местом большей части таких работ, посвященных, как правило, переходной экономике России, является бессистемное выявление, а иногда и откровенное выдумывание различных псевдоэкономических проблем, которые не имеют ничего общего с действительными политико-экономическими противоречиями. Увлечение «институциональными» формулировками без соответствующего методологического инструментария может привести, в свою очередь, к дискредитации экономического анализа, поскольку эклектическое заимствование объяснений из различных научных направлений есть прямой путь к разрушению монизма любой научной системы и, как следствие, к разрушению логики частных теоретических построений и практических выводов.

В этой связи представляется необоснованным преждевременный отказ определенной группы современных исследо-

вателей экономического устройства общества — даже в части анализа новейших рыночных институтов — от методологического потенциала политической экономии, накопленного отечественной и зарубежной школой. Не секрет, например, что представители западной экономической мысли, как это ни парадоксально, при всех критических замечаниях к трудам классиков политической экономии, и сегодня продолжают использовать политико-экономическую методологию в академических и исследовательских целях [14, 15, 17]. Лондонская школа экономики, Центральный европейский университет, Кембриджский университет и многие другие общепризнанные научные центры в области социального, экономического и правового знания неоднократно испытывали в различные периоды истории надежность метода политической экономии при анализе экономических законов общества, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, в том числе и прикладного характера, востребованные в профессиональной среде [14, р. 3, 6–8, 217–255].

Одной из важнейших задач экономической теории в условиях переходной экономики является выявление возможной многовариантности осуществления экономических преобразований, реальных тенденций трансформационного процесса. Поскольку любая теория есть абстрактное отражение объекта в состоянии функционирования, а переходная экономика характеризует состояние развития не столько самой системы, сколько правил ее трансформации, т.е. правил перехода от одной системы общественных производственных отношений к другой, постольку такие особые состояния объекта должны отражаться особенной теорией, выражающей наиболее общие черты подобных процессов. Концепция институционализации рыночной трансформации экономики есть первичное теоретическое бытие импульсов, идущих от экономической практики, так как потребности экономической практики всегда

связаны с изменениями в хозяйственной жизни общества. Поэтому данный подход в наибольшей мере может соответствовать целям и задачам теоретического осмысления проблем экономической трансформации. В связи с этим методологической ошибкой следует считать подмену институционального анализа (теории условий, форм и правил целенаправленного экономического развития) теорией функционирования рыночной экономики, т.е. теорией не существующего, а моделируемого объекта в рамках задач экономической трансформации.

Несмотря на обилие изысканий в этой области, в экономической теории остаются все еще недостаточно проработанными методологические основы организационного (субъектного) и экономического (внесубъектного) взаимодействия различных социальных групп, *особенно в условиях непрерывного реформирования государства*. Более того, такая специальная область анализа, как институциональная организация экономики, из-за неоднозначности трактовки и применения ключевого понятия «институт» также испытывает потребность в определении собственных категориальных соотношений, объясняющих логику целенаправленных изменений общественных производственных отношений.

История экономической мысли отчетливо свидетельствует об основном источнике проблем, исследуемых любой научной экономической школой, — несоответствии наблюдаемого состояния развития хозяйства желаемому и возможному с позиций интересов различных экономических субъектов и их объединений. «Все... концепции экономической науки (при всей относительности научного знания) так или иначе связаны с изменениями в хозяйственной жизни, с потребностями экономической практики» [2, с. VII].

Проблема целенаправленного изменения общественных производственных отношений, как и любого нечто, в

сущности, есть проблема управления, или, по-другому, проблема организации этого нечто. Помимо цели, объекта и субъекта важным конституирующим элементом управления является его механизм — система правил поведения на множестве заданных ограничений. Применительно к обществу функции таких регуляторов выполняют социальные институты.

Институты «представляют собой структуру, которую люди накладывают на свои взаимоотношения, определяя таким образом стимулы, наряду с другими ограничениями (бюджетными, технологическими и т.д.), очерчивающие границы выбора, а они, в свою очередь, задают рамки функционирования экономики и общества в течение того или иного периода времени» [8, с. 6]. При этом подход основоположников институциональной школы (Торстен Веблен, Джон Коммонс, Уэсли Митчелл, Кларенс Айрес) не может претендовать на методологическое совершенство. Т. Веблен относил к институтам два взаимосвязанных рода явлений [4, с. 200–204]. С одной стороны, институты как «привычный образ мысли, руководствуясь которым, живут люди», «привычные способы реагирования на стимулы, которые создаются изменяющимися обстоятельствами». С другой стороны, институты как утвердившиеся «особые способы существования общества, которые образуют особую систему общественных отношений».

Согласно первым представителям этой школы, институты не подразделяются на первичные или вторичные и не противопоставляются друг другу. Поэтому обоснование приоритетной области объекта исследования методологически невозможно, и, как следствие, анализ характеризуется недостатком системности. «Для институционализма, — пишет В. Рязанов, — оказалось весьма характерным отсутствие объединяющей методологической базы, которое привело к значительному разнообразию концепций и гипотез в объяснении рассматриваемых... проблем» [9, с. 506]. «Особенный» подход к

изучению реальной экономики, анализ ее самобытных черт делает институционалистов непохожими в своем творчестве на других. Последнее предполагает трудноустраняемое препятствие в сводимости различных теорий в общесодержательные методологические модели.

Современное направление — неоинституционализм — выдвигает в качестве всеобщего признака, объединяющего методологию институциональной школы, категорию трансакционных издержек — базовую единицу компаративного неоинституционального анализа. Данный подход, действительно, позволяет в определенной мере синтезировать метод институциональной и неоклассической школы, что, в свою очередь, открывает широкие возможности применения накопленных неоклассических инструментов познания и моделирования экономических процессов. Однако за границами предметного экономического анализа остаются исследования качественных сторон отношений экономических субъектов, социально-экономическую природу и особенности которых можно познать, применяя политико-экономическую методологию.

Понятие «институционализм» в современной экономической литературе многогранно и, как правило, включает два аспекта [2, с. 94; 12, р. 28, 65; 13]. Во-первых, это обычаи, традиции, нормы поведения, принятые в обществе, — «институты». Во-вторых, это закрепление норм и обычаев в виде законов, организаций, учреждений, т.е. «институты». Классифицирующим признаком для отграничения институтов и институций может выступать факт целенаправленного утверждения (закрепления) того или иного правила или системы правил мерами социо-нормативного регулирования данной общности экономических субъектов. *При этом в рамках экономического анализа важно принципиально отграничить институты (и особенно их основу — институции) от правовых норм.*

Общая логическая структура правовой нормы представлена системой трех

основных элементов [1, с. 273] — гипотеза, диспозиция, санкция, что дает основание относить правила поведения экономических субъектов, обеспеченные мерами правового воздействия, к особому роду правил, которые не совпадают по своему целевому назначению с институциями. Необходимо учитывать, что в логической структуре институции отсутствует такой конституирующий элемент правовой нормы, как правовая санкция. Поэтому в то время как институты и институции обеспечивают возможность более эффективного взаимодействия экономических субъектов, правовые нормы, наоборот, ограничивают возможность противоположного, общественно опасного поведения, в том числе и в экономической сфере. Иными словами, благодаря этому различию можно выявить целевую «специализацию» институций и правовых норм в регулировании сложных взаимных переплетений общественно полезного и общественно вредного поведения.

Этимологически понятия «институция» и «институт» также различны. Институт «представляет собой определенную организацию для достижения специальной цели», а институции указывают на «процесс формирования и правила функционирования институтов» [16, р. 649–650]. Кроме того, «рыночные институты — это не просто некие организационные формы (акционерные общества, банки, страховые компании, биржи и т.д.), но прежде всего способы, нормы и правила взаимодействия хозяйственных субъектов. Безусловно, эти нормы и правила оформляются, а для их реализации требуются определенные структуры. И все же главное с институциональной точки зрения не возникающие формы, а то, как они функционируют» [5, с. 51]. В отношении системы экономических институтов правомерно определять последнюю как институциональную организацию экономики.

Иными словами, институции и институты, согласно институциональной школе (Т. Веблен [4]; У. Митчелл [7]; Р. Коуз

[6]), представители которой первыми обратили внимание на проблему целенаправленного коллективного взаимодействия участников общественного производства, *есть рациональные формы и границы деятельности людей*. Различные сочетания этих форм и границ способны влиять на эффективность общественного производства. Следовательно, с учетом принципиальной невозможности (в силу специфики общественного производственного отношения) установить в обществе раз и навсегда желаемое институциональное оформление общественных производственных отношений, определение характера, меры и способов координации взаимодействия участников общественного производства, т.е. определение оптимальности институционального оформления этих отношений, является непреходящей фундаментальной проблемой экономики любого общества.

Вместе с тем теоретическая разработка решений указанной проблемы, *несмотря на присутствие организационного момента, не может осуществляться исключительно в рамках теории управления или какого-либо иного технократического подхода*. Качество объекта предопределяет качество решений, связанных с его изменениями, а также определяет направление поиска этих решений. До тех пор, пока в обществе присутствуют две и более политические силы, обусловленные, главным образом, различием экономического положения и интересов их представителей, иными словами, пока действия экономических субъектов в определенной мере самостоятельны, до тех пор хозяйственную систему общества даже с большими допущениями нельзя считать организацией в подлинном смысле этого слова, основанной на принципах внеэкономической субординации и внеэкономического принуждения.

Специфика системы общественных производственных отношений (объекта управления как процесса хозяйственной

жизни общества) состоит в том, что данная система в каждый момент времени выступает организованной с тем или иным качеством *независимыми участниками этих отношений*. Однако отсутствие эффективной возможности тотального регулирования всей системы общественных производственных отношений властными (политическими) методами не может служить доказательством, что в основе взаимодействия экономических субъектов лежит принцип самоорганизации. Сам факт непрерывной организации экономического содержания социальной жизни еще не означает, что такая организация должна и тем более происходит в идеальных условиях проявления экономического содержания, т.е. в условиях идеальной модели рыночного взаимодействия экономических субъектов.

Практика показала, что общественные производственные отношения (тем более в современном обществе) всегда институционально оформлены, т.е. люди сознательно и целенаправленно посредством своей субъективной деятельности и политических методов устанавливают для своего взаимодействия определенные границы и формы. Поскольку источником и механизмом установления данных ограничений является сфера политики, постольку и в результатах этого процесса — устанавливаемых институтах — помимо объективного экономического содержания всегда присутствует и субъективный политический момент.

Динамика институциональных форм выступает фундаментальной проблемой экономической теории: объективное присутствие субъективного элемента в общественных производственных отношениях служит источником многообразия возможных форм их организации, что, в свою очередь, предполагает возможность их оценки, сравнения, моделирования и, следовательно, предопределяет эффективность данных форм. Институты, будучи особенной формой проявления и существования противоречия общественного производственного от-

ношения в сфере согласования разнонаправленных интересов экономических субъектов, отражают объективный характер деятельности последних. Следовательно, в процессе институционализации рыночной трансформации экономики теоретически возможно и практически необходимо различать «субъективный» и «субъективный» аспекты.

Общесистемные противоречия, присущие рыночной трансформации общественного производства, характеризуются в российской экономике особым механизмом проявления. Главными элементами последнего выступают: принципиальная неопределенность выбора между альтернативными направлениями дальнейшего развития; сохранение внеэкономических (властных) методов управления; высокий уровень социально-экономических издержек рыночной трансформации; большой удельный вес в ВВП криминально-теневое сектора; отсутствие государственной экономической политики, определяющей приоритеты институционального оформления отношений между экономическими субъектами.

Специфика российской экономики заключается в том, что на современном этапе развития рыночных отношений государство не обладает необходимыми признаками особого экономического субъекта, персонифицирующего все общество. В то же время субъективный интерес общества выражается в потребности обеспечения расширенного воспроизводства собственного (прежде всего — экономического) потенциала. Поэтому процессы институционализации рыночной трансформации российской экономики носят противоречивый, несистемный характер, а сама экономика потенциально обладает свойствами полимодельности.

В условиях полимодельности рыночного потенциала российской экономики его оценка и реализация возможны на основе выявления функциональных приоритетов рыночных институтов в России.

С практической точки зрения, это обстоятельство усложняет и постановку за-

дачи, и процесс поиска оптимальных решений в области институциональной организации экономики. С другой стороны, в теоретическом плане, множество различных теорий государственного регулирования экономики также одновременно свидетельствует и об огромной сложности этого явления, и о недостаточной разработке вопроса о диалектике объективного и субъективного в общественных производственных отношениях.

Функциональный политэкономический анализ динамики институциональных форм выступает критерием системности экономического анализа и преодолевает одностороннюю ориентацию на выявление институционально-особенного в моделях экономического развития. Методологическим условием компаративного анализа последних выступает возможность формирования всеобщего логического основания различных институциональных ограничений. Таким основанием, определяющим качественную сторону взаимодействия экономических субъектов, выступают институции, указывающие на процесс формирования и правила функционирования институтов. Поскольку *институт есть форма целенаправленного опосредованного согласования разнонаправленных интересов экономических субъектов в условиях множественности форм координации их взаимодействия*, постольку именно в институциях «субъективное» и «объективное» находят в поведении экономического субъекта первичное отражение и реализацию. В этом аспекте историко-логическое движение альтернативных моделей рыночной экономики определяется как характеристикой самостоятельных субъектов общественного производственного отношения (индивида, общества и государства), так и особенностью институций, отражающих условия и меру регламентированного ограничения сферы их деятельности.

Таким образом, с методологической точки зрения, различие субъектного и

субъективного в формировании и функционировании институтов имеет первостепенное значение в политико-экономическом исследовании институциональной организации экономики, а развитие институционального подхода правомерно в данном случае рассматривать в системе методов экономического анализа как видовое обогащение метода политической экономии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байтин М.И.* Нормы права // Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов: СВШ МВД РФ, 1995.
2. *Бартенева С.А.* Экономические теории и школы. М.: Век, 1996.
3. *Бьюкенен Дж.* Сочинения // Серия: «Нобелевские лауреаты по экономике». Т. 1. М., 1997.
4. *Веблен Т.* Теория праздного класса: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1984.
5. *Гутник В.П.* Рыночные институты и трансформация российской экономики // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 7. С. 50–64.
6. *Коуз Р.* Фирма, рынок и право: Пер. с англ. М.: Дело, 1993.
7. *Митчелл У.* Экономические циклы: Проблема и ее постановка. М.; Л., 1930.
8. *Норт Д.* Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 6–17.
9. *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998.
10. Хрестоматия по экономической теории. М.: Юристъ, 1997.
11. *Шамхалов Ф.И.* Государство и экономика: основы взаимодействия. М., 2000.
12. *Clark B.S.* Political economy: a comparative approach. L., 1991.
13. *Conklin D.W.* Comparative economic systems. L., 1991.
14. *Lane J.E.* The Public Sector: Concepts, Models and Approaches. L., 2000.
15. *North D.* Institutions, Institutional change and Economic Performance. Cambridge University Press, 1990.
16. Oxford Dictionary of Current English, A.S. Hornby, Fourth Edition, Chief Editor: A.P. Cowie. Oxford U-Press, 1989.
17. *Weimer D., Vining A.* Policy Analysis: Concepts and Practice. L., 1999.